

DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00040

Е.Ю. Третьякова (Краснодар), В.С. Коренная (Москва)

К ВОПРОСУ О ПУШКИНСКОМ ИЛЛЮСТРАТИВНОМ РЯДЕ ПОВЕСТИ «ГРОБОВЩИК»

Аннотация. Статья посвящена обоснованию гипотезы о связи пушкинских рисунков в рукописных листах повести «Гробовщик» с текстом комической поэмы А.А. Шаховского «Расхищенные шубы» (1811–1815) и с пророческими видениями сна, который незадолго до смерти В.Л. Пушкина увидела его племянница О.С. Павлищева. Содержание этого мистического сна подробно изложил сын Ольги Сергеевны Л.Н. Павлищев в первой части своих мемуаров «Из семейной хроники» (1888). Давая в опоре на два упомянутые источника расшифровку взаимосвязи между деталями центральной (скелет Петра Петровича Курилкина) и боковых частей иллюстрации к сну Адрияна Прохорова, авторы статьи предлагают свою версию атрибуции портрета пожилой дамы, которая изображена рядом с профилем покойного Василия Львовича. В контексте обосновываемой гипотезы по-новому трактован автопортрет А.С. Пушкина в составе другой иллюстрации – фигура стороннего наблюдателя в белой тоге на рисунке похоронной процессии за гробом. Сопоставление рукописных графических изображений и словесно-образных мотивов подкреплено биографическим анализом, комплексным рассмотрением переписки и мемуаров, журнальных полемики, художественных произведений и документов, зафиксировавших борьбу «литературных партий» 1810–1830-х гг. Выявив таким образом ближайший и отдаленный творческий контекст первой повести белкинского цикла, созданной в Болдине 9 сентября 1830 г., авторы статьи подытоживают свою гипотезу выводом о том, что созданию образа Ивана Петровича Белкина способствовали жизненные воззрения и литературно-общественная деятельность В.Л. Пушкина.

Ключевые слова: литературный процесс первой трети XIX в.; А.С. Пушкин; В.Л. Пушкин; рисунки Пушкина, повесть «Гробовщик»; комическая поэма А.А. Шаховского «Расхищенные шубы»; стихотворные послания 1810–1830-х гг.; литературное общество «Арзамас» (1815–1818).

E.Yu. Tretyakova (Krasnodar), V.S. Korennaya (Moscow)

On the Question of Pushkin's Series of Illustrations for the Story "The Undertaker"

Abstract. The article is devoted to the substantiation of the hypothesis about the connection of Pushkin's drawings in the handwritten sheets of the story "The Undertaker" with the text of the comic poem by A.A. Shakhovsky "The Plundered Fur Coats" (1811–1815) and with prophetic dream visions, which shortly before the death of V.L. Pushkin was seen by his niece O.S. Pavlishchev. The content of this mystical dream was described in detail by Olga Sergeevna's son L.N. Pavlishchev in the first part

of his memoirs “From the Family Chronicle” (1888). Relying on the two mentioned sources to decipher the relationship between the details of the central (the skeleton of Pyotr Petrovich Kurilkin) and the side parts of the illustration for Adrian Prokhorov’s dream, the authors of the article offer their own version of the attribution of the portrait of an elderly lady, which is drawn next to the profile of the late Vasily Lvovich. In the context of the hypothesis a new explanation is given to A.S. Pushkin’s self-portrait as part of another illustration – the figure of an outside observer in a white toga in the drawing of the funeral procession behind the coffin. Comparison of handwritten graphic images and verbal-figurative motives is supported by a biographical analysis, a comprehensive examination of correspondence and memoirs, journal polemics, works of literature and documents that recorded the struggle of the “literary parties” of the 1810s–1830s. Having thus identified the closest and distant creative context of the first story of the Belkin cycle, created in Boldino on September 9, 1830, the authors of the article summarize their hypothesis with the conclusion that the creation of the image of Ivan Petrovich Belkin was facilitated by the life views and literary and social activities of V.L. Pushkin.

Key words: literary process of the first third of the 19th century; A.S. Pushkin; V.L. Pushkin; Pushkin’s drawings; the story “The Undertaker”; A.A. Shakhovskiy’s comic poem “The Plundered Fur Coats”; poetic messages from of the 1810s–1830s; literary society “Arzamas” (1815–1818).

В рукописи «Гробовщика» – первой повести белкинского цикла, созданной практически сразу по прибытии поэта в Болдино, есть несколько больших иллюстраций. Первые две (чаепитие в лавке гробовых дел мастера и похороны отставного бригадира) изображают посюсторонние события, третья показывает нечто потустороннее. Причем кошмарному сну Адриана про новоселье с мертвецами принадлежит лишь центральная фигура – скелет отставного сержанта гвардии Петра Петровича Курилкина («кости ног бились в больших ботфортах как пестики в ступах»). Боковые части композиции имеют самостоятельное, отдельное от событий сюжета повести значение.

Слева Пушкин нарисовал бумажный свиток, распятие и светильник с зажженной свечой; справа – некую почтенную чету. Портретные черты мужчины вполне узнаваемы: горбоносый профиль, впалая верхняя губа, обширная лысина с редкими седыми прядями по краям. Таким Александр Сергеевич видел на смертном одре своего дядюшку Василия Львовича, умершего 20 августа 1830 г. В этом уверены некоторые исследователи рукописей [Шаталова, 1987] и автор биографии В.Л. Пушкина в серии ЖЗЛ: «Среди рисунков к “Гробовщику” – знакомый профиль: это он, дядюшка, теперь уже покойный дядя» [Михайлова 2012, 190]. О немолодой даме, как бы составляющей с ним семейную пару, обычно пишут: «профили мертвецов» [Жуйкова 1996, 22], ничего иного о ней в опубликованных до настоящего времени расшифровках иллюстративного ряда повести [Эфрос 1933; Цявловская 1980; Керцелли 1988; Шаталова, 1987] не сказано.

Мы полагаем, что женщина в ночном чепце может быть вовсе не усп-

шей. Скорее всего, это Шарлотта, жена переплетчика Кристиана Гашпара из поэмы А.А. Шаховского «Расхищенные шубы» (1811–1815). Цель данной статьи – выявить ассоциации с этим произведением и осмыслить роль, которую сыграли жизненный опыт и особенности личности Василия Львовича Пушкина в творческой лаборатории «Гробовщика» и «Повестей Белкина» в целом.

Хотя непосредственно в сюжете «Гробовщика» нет ключа к пониманию частей триптиха, в который Пушкин вписал изображение Петра Петровича Курилкина, ключ к загадочным деталям был в рассказах людей из родственного окружения поэта и в обстоятельствах, которые Александр Сергеевич переживал и обдумывал в связи со свежей семейной утратой. Подспорьем к объяснению могут служить мемуары сына Ольги Сергеевны Пушкиной. Вполне возможная на основе воспоминаний Л.Н. Павлицева версия позволяет дать целостную интерпретацию этого рисунка (ПД № 997, л. 6) и дополнить кое-что важное относительно нарисованной поэтом траурной процессии (ПД № 997, л. 3 об.).

Попытаемся проверить и обосновать в опоре на переписку, дневники, мемуары, художественные произведения гипотезу о том, что Александр Сергеевич видел некие имевшие не только внутрисемейную значимость сходства между собой и своим дядюшкой и проводил аналогии между конфликтом, раздутым недоброжелателями «Литературной газеты», и чернильными битвами начала 1810-х, когда шишковисты изо всех сил пытались дискредитировать позицию карамзинистов.

Одиозным памятником вражды со стихотворными манифестами Василия Пушкина осталась иронико-комическая поэма «Расхищенные шубы», которую Александр Александрович Шаховской оглашал по мере создания перед участниками «Беседы любителей русского слова». Эта публиковавшаяся в журнале «Чтение в Беседе любителей русского слова» (1811, кн. 3; 1812 кн. 7; 1815, кн. 19) поэма известна потомкам не целиком: зачитанная в 1815 г. на заседании «Беседы» 4-я часть не была напечатана и затерялась без следа.

Слушатели отнюдь не всё в этом произведении принимали одобрительно. Д.И. Хвостов записал в дневнике про 2-ю часть поэмы Шаховского: «Жаль, что тут вмешаны стихи Карамзина и других». И осудил пренебрежение к дворянской чести: «На что нам <...> перенимать лай собачий у французских писателей? Что им позволено, то нам нет <...> Я сказал Шаховскому: мы все князи да графы. Осмеяние относится на наших жен, детей и на наше в обществе состояние, какого литераторы иных земель не имеют» [Литературный архив 1938, 383].

При напечатании текста Шаховской убрал заимствования из стихов Карамзина, но оставил строки посланий Василия Львовича Пушкина, шарж на которого являл собою персонаж поэмы по имени Кристиан Гашпар (Кристиан – лат. «христианский подвижник», «последователь Христа»; Гашпар – арм. «идуший освободить»).

Пружину действия поэмы составил спор аллегорических персонажей:

мефистофельский дух Раздор хочет занять место богини Веселости на балах и маскарадах, и орудием исполнения своего замысла избрал книгочая-переплетчика Гашпара. Нетрудно было узнать в Гашпаре пародию на Василия Львовича Пушкина, который освоил навыки переплетного ремесла и постоянно им пользовал, чтобы хранить в виде книг годовые комплекты журналов.

Под видом гашпарова предка злой дух является к нему, находит героя спящим в кабинетном кресле у переплетного верстака и запускает в оконную раму только что изготовленным толстым фолиантом: «...сей талисман с рабочего стола / Схватил, метнул в окно и вышиб два стекла». Разбуженный оглушительным звоном Гашпар слышит:

Внемли, мой внук, внемли, сюда нисшел твой дед,
Дабы перед тобой открыть судеб веленье <...>
Престань в ничтожности кичиться тем одним,
Что блеск ты придаешь творениям чужим,
Что славу чуждую сафьяном украшаешь;
Не ты ли наизусть все ведомости знаешь,
От «Северной пчелы» до Виленских газет?
Но для слепца вотще сияет солнца свет!
Ах, внук мой! ты ль не зришь,
как дух нововведения
Людей без разума, без дара, без ученья
Влечет со всех сторон газетной славы в храм;
Их там Фортуна ждет, а ты еще не там!
[Шаховской 1898, 192–193]

Злой дух сулит Гашпару стать знаменитым, если тот выступит в собрании уважаемых людей города с «новым уставом» устройства гардероба для верхней одежды на зимних балах и маскарадах.

Узри, се пред тобой врата открыты славы;
Дерзай на подвиги! как мочный исполин
С восходом солнечным гряди в совет старшин;
В нем будут предлагать важнейше учреждение,
Как при разборе шуб предупредить смятенье, –
Тут смелой выдумкой сочленов удиви,
Свое искусство, ум и знание яви.

Нововведение навешивать «с пометкой ярлыки» («На плащ иль на сапог вздеваются они; / По них узнает всяк свое без затрудненья») взято из Европы, «где множество господ, но слуг излишних нет». Раздор сыплет колкими замечаниями о литературной братии («Поэтам подражай и выдай, не робея, / Чужое за свое; будь тверд, вещай смелее») и утверждает, что для заклепки дыр лучше всего годятся дружеские послания «творца стихов

различных, / К употреблению сим особенно приличных» (оскорбительный намек на В.Л. Пушкина).

Александр Сергеевич помнил о противоборствах 15-летней давности еще и потому, что пасквили, сочиненные на пике конфликта, нараставшего с начала 1810-х гг., имели немало общего с очернительскими нападками на «Литературную газету». Осенью 1830 г. племянник ответил одним разом и своим оппонентам, и закоренелым противникам своего дядюшки. Это видно по сюжетным переключкам. Кульминация повести «Гробовщик» аллегорично соотносится с наваждением, которое испытал Гашпар, и со сном его жены Шарлотты, составившей, как мы уже говорили, пару Василию Львовичу на иллюстрации к сну Адрияна Прохорова.

Момент, когда Адриян от ужаса упал на груды рассыпавшихся костей, имеет связь со словами о горделивых мечтах переплетчика: «...видел он <...> Хулителей своих, изверженных во прах». Гашпару вскружило голову наваждение злого духа, он не спал, а грезил о невероятном успехе. Недоброе сновидение посетило в те же ночные часы его жену Шарлотту.

...во мраке ночи
Дремотой легкою ее смежались очи,
Тогда зловещи сны смущали томный дух.
Сперва приснился ей предвестник слез – жемчуг;
Потом и Гашпар сам в кафтане драгоценном,
Ходящий по лугу, цветами испещренным;
И, словом, всё, что к злу толкует нам сонник.
Его лишь одного из всех ученых книг
Шарлотта нежная читала с прилежаньем
И слепо верила печатным предсказаньям.
[Шаховской 1898, 198]

Вот почему и можно заключить, что не какую-то покойницу, а благообразную супругу Гашпара нарисовал поэт в правой части своей иллюстрации к «Гробовщику». Шарлотта либо еще спит, либо под впечатлением тревожного сна, молитвенно сложив руки, просит мужа не покидать дом (именно так она умоляла Гашпара в «Расхищенных шубах»).

Не вняв мольбам, герой пошел в магистрат и выступил перед высоким собранием, где заседали «гордый лекарь, / Танцмейстер дерзостный, нотариус, аптекарь, / Столетний органист» и «мастер гробовой»:

Им всем собравшимся, дабы начать совет,
Придверник дома Ганц по трубке подает;
Тогда они к свече возжженной устремились,
Сомкнулись в тесный круг, и трубки воскурились.
*«Нам нужны не слова, нам нужно просвещение,
Слов много затвердить не есть еще ученье.
Витийство без идей мою волнует кровь;*

Ношу в душе моей к изящному любовь
И празднословие всем сердцем ненавижу.
Я слышу много слов, но толку в них не вижу;
Кто хочет ясен быть, тот кратче говори»
[Шаховской 1898, 203].

Из семи строк этой речи четыре взяты из послания В.Л. Пушкина «К В.А. Жуковскому» (1810). Приводя для сопоставления необходимую нам часть этого стихотворения, мы также воспользуемся курсивом:

Я, признаюсь, люблю Карамзина читать
И в слоге Дмитреву стараюсь подражать.
Кто мыслит правильно, кто мыслит благородно,
Тот изъясняется приятно и свободно.
Славянские слова таланта не дают,
И на Парнас они поэта не ведут.

Арист душою добр, но автор он дурной,
И нам от книг его нет пользы никакой;
В странице каждой он слог древний выхваляет
И русским всем словам прямой источник знает, –
Что нужды? Толстый том, где зависть лишь видна,
Не есть Лагарпов курс, а пагуба одна.
В славянском языке и сам я пользу вижу,
Но вкус я варварский гоню и ненавижу.
В душе своей ношу к изящному любовь;
Творенье без идей мою волнует кровь.
Слов много затвердить не есть еще ученье,
Нам нужны не слова – нам нужно просвещение.
[Поэты-сатирики 1959, 267–269]

Ни замыслом, ни слогом громоздкий фарс «Расхищенные шубы» не мог сравняться с талантливыми художественными текстами (стихи В.Л. Пушкина, Н.М. Карамзина, К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского), из которых сочинитель почти дословно брал материал цитат и перепевов. Петр Вяземский («Поэтический венок Шутовского, поднесенный ему раз и навсегда за многие подвиги», 1815) увенчал Шаховского званием бездарного шута.

Формально в ирои-комической поэме присутствовали «мастер гробовой» и «свеща», над которой, сомкнув «тесный круг», курили табак и обсуждали речь Гашпара члены магистрата, однако не буффонский совет в составе лекаря, нотариуса, танцмейстера, аптекаря, органиста и гробовщика, а момент серьезных раздумий запечатлел рисунок Александра Пушкина. Переходя от слов к графике, поэт пытался взглянуть в то, что стояло перед его мысленным взором.

Портрет Василия Львовича и противоположная часть композиции –

свеча и осененный распятием свиток, вероятнее всего, связаны с совсем другим видением. О нем упомянул его внучатый племянник Лев Николаевич Павлицев в записках «Из семейной хроники» – первой части воспоминаний, которые он издал в конце 1880-х – середине 1890-х гг. Эта часть мемуаров вышла в журнале «Исторический вестник» (1888) и отдельной книжкой «Из семейной хроники: Воспоминания об А.С. Пушкине» (1890). Сын родной сестры А.С. Пушкина Ольги Сергеевны (1797–1868) Лев Николаевич Павлицев (1834–1915) не был свидетелем похорон и событий накануне смерти Василия Львовича, однако запомнил со слов матери содержание вещего сна, который та увидела незадолго до кончины своего дядюшки.

Лето 1830 г. Ольга Сергеевна и ее муж Николай Иванович Павлицев проводили в Михайловском. Мать и отец Ольги Сергеевны оставались в Петербурге: ожидали, как решится вопрос о возможном назначении Сергея Львовича на дипломатическую должность, готовили младшего своего сына Льва к отправке в действующую армию на Кавказ, где шла война с Персией. После его отъезда они планировали провести конец лета в Михайловском, рядом с дочерью и зятем, в приятном общении со старыми друзьями и родственниками-соседями. Надежда Осиповна регулярно писала дочери о текущих делах, в том числе и связанных с женитьбой Александра (свадьбу намечали на середину осени). Узнав, что Василий Львович болен и слег, старшие Пушкины решили, что это очередной приступ подагры. Лишь племянница Ольга Сергеевна обеспокоилась не на шутку. Причиной ее тревоги было видение о смерти дядюшки:

«Ольгу Сергеевну посетило однажды предчувствие, что болезнь ее дяди не простая, – предчувствие, выразившееся в следующем ее – как она называла – пророческом видении, или сне.

Сон моей матери был такого рода: ей пригрезилось, будто бы Василий Львович появился перед нею в costume адепта одной из находившихся прежде в Москве лож “вольных каменщиков” <...> одетый в белую мантию с вышитыми мазонскими символическими изображениями. Василий Львович – вернее, его призрак – держал в правой руке зажженный светильник, а в левой – человеческий череп.

– Ольга, – сказал призрак, – я пришел тебе объявить большую радость. Меня ожидает в среду, двадцатого августа, невыразимое счастье. Посмотри на белую мантию: знак награды за мою беспорочную жизнь; посмотри на зажженный в правой руке светильник – знак, что всегда следую свету разума; посмотри и на этот череп – знак, что помню общий конец и разрушение плоти. – На вопрос же племянницы, какое ожидает его счастье, призрак, исчезая, ответил: “ни болезни, ни печали”, и ответил, как ей показалось особенно громко, отчего она проснулась и долго не могла опомниться под влиянием противоположных чувств: скорби, страха и радости.

Не прошло трех недель после описанного сновидения, как Василий Львович Пушкин отошел в вечность, именно в среду 20 августа 1830 года» [Павлицев 1890, 188–189].

От Ольги Сергеевны Александр и все близкие знали подробности изумившего ее сновидения. Как зарисовку деталей этого вещего сна мы бы предложили рассматривать горящую свечу рядом с правой рукой Курилкина («...посмотри на зажженный в правой руке светильник – знак, что всегда следуя свету разума») и голый череп скелета («посмотри и на этот череп...»). Присутствие портрета умершего дядюшки подтверждает, что в момент, когда сон гробовщика вот-вот должен был закончиться развязкой, Пушкин думал об ответах «призрака», который, согласно пересказу сна Ольги Сергеевны, «исчезая <...> ответил, как ей показалось особенно громко, отчего она проснулась».

Заметим, мгновенный переход от видения к яви важен для кульминации и развязки повести. «В эту минуту маленький скелет продрался сквозь толпу и приблизился к Адрияну. Череп его ласково улыбался гробовщику <...> Помнишь ли отставного сержанта гвардии Петра Петровича Курилкина <...> С сим словом мертвец простер ему костяные объятья – но Адриан, собравшись с силами, закричал и оттолкнул его <...> Между мертвецами поднялся ропот негодования; все вступились за честь своего товарища, пристали к Адрияну с бранью и угрозами, и бедный хозяин, оглушенный их криком и почти задавленный, потерял присутствие духа, сам упал на кости отставного сержанта гвардии и лишился чувств» [Пушкин 1977–1979, V, 83]. Тут погружение во мрак заканчивается и читатель обнаруживает, что это было всего лишь наваждение, сон недоброго человека. Все другие персонажи (Луиза и Лотхен, сапожник Шульц, переплетчик и булочник, будочник и частный пристав, дочери гробовщика и их служанка Аксинья) были и остались там, где на столе привычно гудит самовар и все исправно ходят друг к другу на именины (вчера – у жены сапожника, сегодня – у частного пристава).

Уравновесить антиномии вымышленных/невыходящих сюжетов, мысленно добавить к *сну Татьяны* (мы помним, предсказание о смерти Ленского явилось ей во сне) *сон Ольги* (вещее видение своей сестры) – такого рода переклички литературы с жизнью поэт ценил выше всего.

Что мысли о судьбе дядюшки посещали Александра Сергеевича в день создания повести «Гробовщик», показывают и письма, датированные 9 сентября. «Около меня колера Морбус, – сообщил он Плетнёву, – того и гляди, что к дяде Василью отправлюсь, а ты и пиши мою биографию». И добавил: «Бедный дядя Василий! знаешь ли его последние слова? приезжаю к нему, нахожу его в забытьи, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчал: *как скучны статьи Катенина!* и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воином на щите, *le cri de guerre à la bouche!*» [Пушкин 1937–1959, XIV, 112]. За этими строками ощутимо присутствие незабвенной тени и готовность «того и гляди» последовать за нею – дядюшкину участь разделить.

Василий Львович «умер с боевым кличем на устах». Это отмечено и в дневнике П.А. Вяземского: «Испустил он дух спокойно и безболезненно, во время чтения молитвы при соборовании маслом. Обряда не кончили,

помазали только два раза. Накануне был уже он совсем изнемогающий, но, увидев Александра, племянника, сказал ему: “Как скучен Катенин!” Перед этим читал он его в Литературной Газете. Пушкин говорит, что он при этих словах и вышел из комнаты, чтобы дать дяде умереть исторически <...> был, однако же, очень тронут этим зрелищем» [Вяземский 1963, 192].

На погребении присутствовала «депутация всей литературы, всех школ, всех партий: Полевые, Шаликов, Погодин, Языков, Дмитриев и Лже-Дмитриев, Снегирев. Никиты Мученика протопоп в надгробном слове упомянул о занятиях его по словесности и вообще говорил просто, но пристойно» [Вяземский 1963, 192]. Почтить память покойного явились все, что было вполне закономерно: непрменный читатель всех литературных новинок и журнальных откликов на них, Василий Львович был уважаем за душевное участие и бескорыстное служение литературному поприщу как таковому.

Ироничный Вяземский подметил о его сочувствии молодым талантам: «Дмитриев говаривал <...> что он кончит тем, что будет дружен с одними грудными младенцами, потому что чем более стареет, тем все более сблизается с новейшими поколениями <...> Добр был до бесконечности, до смешного, но этот смех ему не в укор» [Вяземский 1878, 29]. В доме Василия Львовича регулярно бывали не только И.И. Дмитриев и П.И. Шаликов, но и Сергей Соболевский, Антон Дельвиг, Александр Грибоедов, братья Веневитиновы, Адам Мицкевич, Александр Муханов, Александр Долгоруков, Михаил Макаров, Александр Кононов, племянник И.И. Дмитриева Михаил (Лже-Дмитриев, прозванный так за отсутствие большого дара). Хотя Петр Иванович Шаликов избегал встреч за одним столом с Николаем и Ксенофонтом Полевыми, то и дело высмеивавшими его «Дамский журнал» в своем «Московском телеграфе», В.Л. Пушкин и тут пытался всех примирить:

Сегодня у меня литературный ужин;
К обеду не зову, а вечером ты нужен <...>
А ежели случится.
Что будет Полевой,
Не убегай его, о кум любезный мой!
В моем дому все будет ладно.
Откажешь – будет мне прискорбно и досадно!
[Михайлова 2012, 132].

Василий Львович в этом смысле был мудр, а не беспринципен. В свою подборку «Замечания о людях и обществе» для альманаха «Литературный музей на 1827 год» он внес такие афоризмы: «В обществе добрых людей сердце всегда бывает на просторе; ты при них можешь быть самим собою и не опасаться ни кривых толков, ни язвительных насмешек»; «Вот прекрасная молитва одного Мусульмана: Господи! яви милость свою над

злыми, ибо ты все сделал для добрых, сделав их добрыми».

Когда Николай Полевой попытался выставить Александра Пушкина льстецом и прихлебателем вельмож, Василий Львович в возмущении от фельетона, напечатанного в «Новом живописце общества и литературы» (1830, № 10), признался П.А. Вяземскому: «От Полевого житья нет. Читал ли ты Утро в кабинете Знатного Барина? Князь Юсупов обруган, да и племяннику моему достается от злого и бранчливого журналиста. Его прочесть должно не эпиграммами, а чем-нибудь другим. Он обещается выдать нам несколько томов своей истории в непродолжительном времени. Это будет пожива для Литературной газеты, которую я читаю с большим удовольствием» [Михайлова 1983, 238–239].

Петр Андреевич («О московских журналах» и др.) последовательно разоблачал претензии Николая Полевого на роль «современного историка». Василий Львович и сам не отстранился от боя. «Нибуром никогда не будет наш москвич», – сказал он в своем последнем стихотворении. Но не отповедь «парнасским пигмеям», а благословение и доброе напутствие племяннику как истинно талантливой личности было главным в этом поэтическом завещании В.Л. Пушкина.

Послание твое к вельможе есть пример,
Что не забыт тобой затейливый Вольтер.
Ты остроумие и вкус его имеешь
И нравиться во всем читателю умеешь <...>
Пустые критики достоинств не умалят;
Жуковский, Дмитриев тебя и чтут и хвалят;
Крылов и Вяземский в числе твоих друзей;
Пиши и утешай их музою своею,
Наказывай глупцов, не говоря ни слова,
Печатай им назло скорее «Годунова».
Творения твои для них тяжелый бич,
Нибуром никогда не будет наш москвич,
И автор повести топорных работы
Не может, кажется, проситься в Вальтер Скотты.

Довольно и того, что журналист сухой
В журнале чтит себя романтиков главой.
Но полно! Что тебе парнасские пигмеи,
Нелепая их брань, придирки и затеи!
Счастливицу некогда смеяться даже им.
Благодаря судьбу, ты любишь и любим <...>
Блаженствуй, но в часы свободы, вдохновенья
Беседуй с музами, пиши стихотворенья,
Словесность русскую, язык обогащай
И вечно с миртами ты лавры съединяй.
[Поэты 1971, 701–702].

Александр был готов принять от него эстафету в борьбе за честь и достоинство пишущих. Принцип *наказывай глупцов, не говоря ни слова*, с гениальной полнотой воплотился в «Повестях Белкина».

Одно из ранних свидетельств о начале работы над циклом пушкиноведы относят к концу весны – началу лета 1830 г. Это лист рукописи (ПД № 841, л. 81 об.) с неоконченной строкой «В одной из южных губерний наших» – наброском вступления к «Барышне-крестьянке». На листе иллюстрация, в центре которой улыбочивый профиль поэта выступает из-под маски обыкновенного, ничем не приметного человека. Как одно из «портретных» изображений Ивана Петровича Белкина мы рассмотрели этот рисунок в статье, опубликованной к 220-летию поэта [Третьякова 2019, 38–39].

Не углубляясь в обширную область наблюдений над тем, как белкинский цикл, воссоединив кредо литературное и семейное, стал действенным орудием стратегии Пушкина-журналиста, ограничимся примером, важным для рассматриваемой нами темы. Поэт нарисовал себя стоящим в белом одеянии поодаль от траурного шествия за похоронной колесницей на иллюстрации к «Гробовщику» (ПД № 997, л. 3 об.) – свой молчаливый ответ на попытки Булгарина перечеркнуть достоинства романа в стихах, седьмая глава которого вышла весной 1830 г.

«...Можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, например, глава VII “Евгения Онегина”?» – вопрошал Фаддей Венедиктович. И, ловко манипулируя приемами риторики, предварил вопрос заведомо готовым собственным утверждением: «...медленное траурное шествие “Литературной газеты” и холодный прием, оказанный публикою поэме “Полтава” <...> служат ясным доказательством, что очарование имен исчезло» (Северная пчела, 1830, № 35).

Автопортрет поэта в рукописи «Гробовщика» есть несомненный знак преемственности с дядей: таким «призраком в белом хитоне» (вещий сон Ольги) был Василий Львович, когда явился племяннице «из-за гроба».

Не «Барышня-крестьянка» (написанная после «Станционного смотрителя»), а повесть «Гробовщик» помогла одним разом расквитаться с двумя очернителями, Шаховским и Полевым. Об аллюзиях на статьи Полевого в «Гробовщике» мы писали ранее [Третьякова 2002, 127–138], как и о главной особенности полемической стратегии поэта: Пушкин умел сделать так, чтобы стрелы попали обратно в стан, из которого они выпущены.

Назвав первого из заколоченных в гроб клиентов Адрияна Прохорова Петром Петровичем Курилкиным (фамилия перекликается с эпиграммой 1825 г. «Жив, жив Курилка»), Александр Сергеевич совместил с годом его похорон год своего рождения (1999) и передал «ласково улыбающемуся черепу» отсутствие мстительности, присущее характеру Василия Львовича. Дядюшка в молодые годы, и вправду, носил звание сержанта. По именному списку лейб-гвардии Измайловского полка за 1783 г. он и его брат Сергей числились сержантами 3-й роты «за комплектом»: «Из дво-

рян. Служба их: в армии – 1773 г.; в гвардии – 1775; в нынешних чинах – 24 ноября 1777 г.» [Михайлова 2012, 59].

Жизненный настрой и качества смиренной личности увековечил цикл повестей, перед простодушным юмором и поистине веселой серьезностью которых злоба абсолютно бессильна.

При обосновании нашей гипотезы об иллюстрациях к «Гробовщику» мы бы хотели напомнить о том, что зрелый взгляд на задачи литературы («Прямая наша цель есть польза, просвещение, / Богатство языка и вкуса очищение») Василий Пушкин, как и Николай Карамзин, обрел вне школ и эстетик, череду которых они, ровесники и единомышленники, наблюдали на своем веку. Рубеж столетий разделил сознательную жизнь В.Л. Пушкина пополам, к концу 1800-х гг. ему шел четвертый, а в бытность старостой «Арзамаса» и пятый десяток лет. Василий Андреевич Жуковский был младше на 17, Петр Вяземский – на 26 лет, племянник Александр – на 33 года.

Василий Львович писал стихи и светские, и духовно-религиозные, чтил заповедь *возлюби ближнего* как камертон более важный, нежели точность и благозвучие рифм.

В его послании «К***» (1816) упоминалось о фиаско ирои-комической поэмы Шаховского: «Я злого Гашпара убил одним стихом» [Поэты-сатирики 1959, 274–275]. Но не войну, а мир и дружеское согласие горячо защищало это стихотворение – плод чувств «души незлобной», «лишь к пламенной любви и дружеству способной» и искренний ответ друзьям-арзамасцам на слишком строгий разбор экспромтов, которые довелось сочинить в дорожной коляске.

Я грешен. Видно, мне кибитка не Парнас;
Но строг, несправедлив карающий ваш глас <...>
Разбор, поверьте мне, столь едкий – не услуга:
Я слух ваш оскорбил – вы оскорбили друга.

Александра Сергеевич понимал и ценил эти качества. «Писатель нежный, тонкий, острый, / Мой дядюшка», – сказано в стихотворении 1825 г., адресованном Вяземскому и осмысливающим тему творческого родства как родства семейного.

Обмен стихотворными посланиями между дядюшкой и племянником, начатый во времена «Арзамаса», длился до самой кончины Василия Львовича. Разговор о том, что принял как им завещанное Александр Сергеевич, гораздо шире ответа на вопрос, что за даму в чепце нарисовал поэт рядом с покойным дядюшкой. При знакомстве с произведениями и полемическими статьями, которые не выдержали проверку временем и сейчас почти неизвестны, можно частично реконструировать контекст рукописных иллюстраций, уловить многие аллюзии и переключки. Однако художник-гений наделяет способностью видеть не перипетии литературных противоборств, а нечто более важное. В диалоге Пушкина с оппонентами

преходящее показано на фоне вечного, свет побеждает мрак. И, при всем разнообразии приемов, это главное, на чем строит поэт свою общность с единомышленниками – прежними и будущими.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Арзамас»: Сб. документов и мемуаров: в 2 кн. М.: Художественная литература, 1994.
2. Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). М.: Наука, 1963.
3. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 1. М.: Изд. гр. С.Д. Шереметева, 1878.
4. Денисенко С.В., Фомичев С.А. Пушкин рисует. СПб.: Нотабене; Нью Йорк: Туманов & К°, 2001.
5. Жуйкова Р.Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб.: Retropolis, 1996.
6. Керцелли Л.Ф. Мир Пушкина в его рисунках. М.: Московский рабочий, 1988.
7. Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. Т. 1. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1938.
8. Михайлова Н.И. Василий Львович Пушкин. М.: Молодая гвардия, 2012.
9. Михайлова Н.И. Письма В.Л. Пушкина к П.И. Вяземскому // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XI. Л.: Наука, 1983. С. 213–249.
10. Павлицев Л.Н. Из семейной хроники: Воспоминания об А.С. Пушкине. М.: Университетская типография, 1890.
11. Переписка Пушкина: В 2 т. М.: Художественная литература, 1982.
12. Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Советский писатель, 1971.
13. Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. Л.: Советский писатель, 1959.
14. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1959.
15. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.
16. Третьякова Е.Ю. Коммуникативное пространство печати: пушкинская модель. Краснодар: КубГУ, 2002.
17. Третьякова Е.Ю. Символика обновления литературного процесса в пушкинских рукописях 1830 года // Наследие веков. 2019. № 2. С. 34–44.
18. Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. М.: Искусство, 1980.
19. Шаталова Л. О дяде Василии и гробовщике Адриане // Студенческий меридиан. 1987. № 11. С. 42–45.
20. Шаховской А.А. Сочинения Князя Шаховского. СПб.: А.С. Суворин, 1898.
21. Эфрос А.М. Рисунки поэта. М.; Л.: Academia, 1933.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Shatalova L. O dyade Vasilii i grobovshchike Adriane [About Uncle Vasily and

the Undertaker Adrian]. *Studencheskiy meridian*, 1987, no. 11, pp. 42–45. (In Russian).

2. Tretyakova E.Yu. Simvolika obnovleniya literaturnogo protsessa v pushkinskikh rukopisyakh 1830 goda [Symbolism of the Renewal of the Literary Process in Pushkin's Manuscripts of 1830]. *Naslediye vekov*, 2019, no. 2, pp. 34–44. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. “Arzamas”: *Sbornik dokumentov i memuarov* [Arzamas: Collection of Documents and Memoirs]: in 2 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1994. (In Russian).

4. *Literaturnyy arkhiv: Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniya* [Literary Archive. Materials on the History of Literature and Social Movement]. Vol. 1. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1938. (In Russian).

5. Mikhaylova N.I. Pis'ma V.L. Pushkina k P.I. Vyazemskomu [V.L. Pushkin's Letters to P.I. Vyazemsky]. *Pushkin: Issledovaniya i materialy*. Vol. 11. Leningrad, Nauka Publ., 1983. pp. 213–249. (In Russian).

(Monographs)

6. Denisenko S.V., Fomichev S.A. *Pushkin risuyet* [Pushkin Draws]. St. Petersburg, Notabene Publ.; New York, Tumanov & K° Publ., 2001. (In Russian).

7. Efros A.M. *Risunki poeta* [Poet's Draws]. Moscow, Academia Publ., 1980. (In Russian).

8. Kertselli L.F. *Mir Pushkina v yego risunkakh* [Pushkin's World in His Drawings]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1988. (In Russian).

9. Mikhaylova N.I. *Vasily L'vovich Pushkin* [Vasily Lvovich Pushkin]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. (In Russian).

10. Pavlishchev L.N. *Iz semeynoy khroniki: Vospominaniya ob A.S. Pushkine* [From the Family Chronicle: Memories of A.S. Pushkin]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1890. (In Russian).

11. Tretyakova E.Yu. *Kommunikativnoye prostranstvo pechati: pushkinskaya model'* [The Communicative Space of Journalism: the Pushkin Model]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2002. (In Russian).

12. Tsyavlovskaya T.G. *Risunki Pushkina* [Pushkin's draws]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1980. (In Russian).

13. Zhuykova R.G. *Portretnyye risunki Pushkina: Katalog atributsiy* [Portrait Drawings of Pushkin: Catalog of Attributions]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1996. (In Russian).

Третьякова Елена Юрьевна, Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Краснодар).

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник. Научные интересы: теория литературы, история русской литературы XIX века, пушкиноведение, православный тип художественного сознания, поэтика комического.

E-mail: drevo_rechi@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9715-7378

Elena Yu. Tretyakova, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev (Krasnodar).

Doctor of Philology, Leading Researcher. Research interests: history of Russian literature, Pushkin studies, Orthodox type of artistic consciousness, poetics of the comic, literary and aesthetic polemics of the first third of the 19th century, theory of trends in literature and art.

E-mail: drevo_rechi@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9715-7378

Коренная Валентина Сергеевна, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Москва).

Аспирант отдела государственной культурной политики. Научные интересы: культурное наследие в школьном образовании, информационная деятельность в области культуры и образования, культура и личность, методология и методы изучения культуры.

E-mail: corenvs@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4280-8035

Valentina S. Korennaya, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev (Moscow).

Postgraduate student of the Department of State Cultural Policy. Research interests: cultural heritage in school education, information activity in the field of culture and education, culture and personality, methodology and methods of studying culture

E-mail: corenvs@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4280-8035